

**К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ АКТИВИЗАЦИИ
БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В МАКЕДОНИИ И
ФРАКИИ В 90-х гг. XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

В новой истории Балканского полуострова тема болгарского национального движения в последней четверти XIX – начале XX вв., приобретавшего формы ирредентизма или, иными словами, непримиримой борьбы за воссоединение Болгарии с насильственно отторгнутыми от нее в 1878 г. Македонией и Фракией, является, пожалуй, наиболее политизированной. Именно благодаря этой политизации данное движение и сегодня, теперь уже в качестве историографической проблемы, продолжает оставаться конфликтным полем в отношениях между интеллектуальными и политическими элитами балканских стран.

Что же касается отечественной историографии, то она во многом сохраняет наследие, доставшееся ей от советского периода, когда исследование болгарского национального движения после 1878 г. было осложнено по сугубо политическим причинам, из-за нежелания тревожить т.н. «македонскую проблему» в отношениях между Болгарией и Югославией. В силу культивирования в советской историографии представления о национально-освободительной борьбе в XIX – начале XX вв. отдельного «македонского народа», окончательное выделение которого из болгарского этноса искусственно увязывалось с судьбоносными решениями Берлинского конгресса, формировалось искаженное понимание болгарского национального движения¹.

В последние 15 лет появился ряд работ, в которых авторы пытались более объективно взглянуть на болгарское национальное движение в конце XIX – начале XX вв. Признание получил факт «сугубо болгарского национального характера» Внутренней македоно-одринской революционной организации, которая к тому же «имела определенные отношения с болгарскими правительствами или отдельными его министрами»² и деятельность которой «соответствовала политике софийского правительства»³. Был также подтвержден факт болгарской самоидентификации подавляющей части македонских славян в

конце XIX – начале XX вв.⁴ Тем не менее, в исследовании указанного движения остается целый круг вопросов, не получивших должного отражения в отечественной историографии. Одним из них, безусловно, является вопрос о тех факторах, которые способствовали решительному росту национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX вв. именно как болгарского национального движения.

Приступая к рассмотрению этого вопроса, в первую очередь нельзя не остановиться на выводах крупнейшего болгарского историка Крестьо Манчева. Размышляя над причинами полувекового отставания в развитии болгарского национального движения от соседних национальных движений греков и сербов, он, как известно, обращал внимание на удаленность болгарских земель от основных центров европейского просвещения, несшего с собой в том числе и живительную силу национальной идеи⁵. Подвергая в связи с этим справедливой ревизии постулаты болгарской марксистской историографии, он также отмечал ведущую роль не буржуазии, а именно интеллигенции в развитии общества: «Именно она моделирует духовную и политическую жизнь нации, без ее *предварительной работы* (курсив мой – Д.Л.) на научно-просветительском и национальном поприще невозможна никакая революция, никакое серьезное национально-освободительное восстание. Более важным является вопрос не о том, когда была открыта первая фабрика, а о том, когда была открыта первая новоболгарская школа, когда на историческую сцену вышли первые болгарские ученые, публицисты, учителя, писатели, духовные лидеры»⁶.

Об огромном значении данной «предварительной работы» для развития любого национального движения говорит и чешский исследователь Мирослав Хрох, в периодизации которого она главным образом соответствует начальным фазам «А» и «В» движения. В течение фазы «А» немногочисленные «исследователи-эрудиты», активисты национального движения, прежде всего, занимаются «сбором информации об истории, языке и обычаях» их этнической группы и закреплением этой информации в качестве «решающего элемента патриотической агитации» в сознании своих соотечественников. В фазе «В» эта деятельность усложняется, она подразумевает разработку собственной национальной программы и идеологии. На этом этапе появляется совершенно «новое поколение активистов», которые переходят к массовой «патриотической агитации», призванной «разбудить» у максимального числа представителей их этнической группы национальное самосознание. И как только «подавляющая часть населения» начинает принимать эту «патриотическую агитацию» и усваивать национальную идею, национальное движение вступает в финальную фазу «С»,

превращаясь из движения интеллектуальной элиты в массовое народное движение, что свидетельствует о том, что национальное пробуждение состоялось⁷.

«Предварительная работа» болгарских национальных активистов, начатая еще знаменитым призывом Паисия Хилендарского – «Ты, болгарин, не прельщайся [чужим влиянием], знай свой род и язык и учись на своем языке!»⁸ – продолжалась в Македонии и Фракии и после рокового для болгар Берлинского конгресса 1878 г. Знаменитый болгарский революционер, писатель и историк Христо Силянов окрестил этот период до основания ВМОРО эпохой «верноподданства», когда «болгарщина собиралась с силами», спланиваясь вокруг своих церковных общин⁹. Это было время, когда болгарская национальная элита при помощи массовой патриотической агитации через церковь и школу пыталась «разбудить» в своей этнической группе национальное самосознание, вовлечь болгарскую этническую массу в нацию как «культурную общность». Экзарх Йосиф I так формулировал задачи этой деятельности в 1900 г.: «Прибрать под свое ведомство всех болгар в вилайетах Европейской Турции, развить у них сознание и любовь к своей народности и языку и культивировать у них всенародный идеал: все болгары, проникнутые единым духом, едиными стремлениями и единой верой, сплоченные под крылом преемственной своей церкви и образующие одно здоровое и упругое тело, способны отстоять и сохранить свою индивидуальность при любом развитии событий в империи»¹⁰. Эта деятельность осуществлялась Экзархатом в тесном союзе с молодым Болгарским княжеством, не жалевшим средств на развитие болгарского просвещения в еще порабощенных землях. В итоге количество болгарских школ и церковных приходов в Македонии и Фракии с каждым годом все более увеличивалось, а национальная идея все более укреплялась в сознании многочисленного поколения тамошних молодых болгар.

Применительно к началу 1890-х гг. мы имеем многочисленные свидетельства уже именно массового вовлечения македонских болгар в национальное движение, которое пока что проявлялось в форме легальной борьбы за национально-культурную автономию от Греческой патриархии. Еще в декабре 1888 г. британский консул в Салониках Д. Блант отмечал, что «главным результатом просветительской деятельности среди болгар в Македонии ... явилось усиление их национального чувства и растущее желание официального их признания султанским правительством в качестве отдельной от греческой церкви общности»¹¹. Консул Австро-Венгрии в Битоле Погачер в августе 1890 г. указывал на все большее преобладание в болгарских общинах, оставшихся под церковным влиянием патриархии, «национально-церковных тенденций», на рост на «раз-

валинах эллинизма» болгарской церкви и «болгарского национализма», носительницей которого она является¹². Как емко выразился корреспондент «Русского богатства» в 1903 г., «не подлежит ни малейшему сомнению, что македонцы с неуклонным постоянством превращаются на наших глазах в болгар»¹³. Как и многие другие независимые наблюдатели, он отмечал, что после «освобождения Болгарии ... Македония, еще так недавно казавшаяся окончательно погреченною и потерянною для славянства, быстро, на глазах, становилась болгарскою не только по языку и внешним этнографическим признакам, но и по своим национальным стремлениям, по все более ясному и глубокому сознанию своего национально-исторического единства со свободными братьями «по ту сторону Рила и Родопов»¹⁴. Как писал Хр. Силянов, «болгарский национализм был в наступлении и успешно атаковал последние крепости эллинизма в Центральной, Южной и Восточной Македонии. Экзархат постоянно увеличивал свою сознательную паству»¹⁵.

Искусственное политическое отделение Македонии от Дунайской Болгарии в 1878 г., таким образом, отнюдь не привело к дезинтеграционным этнокультурным процессам. Наоборот: доминирующим явлением в развитии Македонии и Фракии после Берлинского конгресса стал вступающий в завершающую стадию процесс национальной консолидации болгарской этноязыковой общности.

В итоге к началу XX в. ситуация в Македонии значительно отличалась от той, что была там до 1870-х гг., когда по свидетельствам многих «чувство истинного народного самосознания» у македонских болгар проявлялось очень слабо, а видный восточно-болгарский возрожденец П. Славейков в 1871 г., к примеру, горько признавался: «В Македонии, земле милой всякому болгарину, чувства самосознания нет у большинства наших»¹⁶. В. Кынчов по этому поводу замечал, что если до середины XIX в. болгары занимали видное место в Македонии лишь по своей численности, то к XX в. — уже и по своей значимости в качестве «сознательной массы с определенным национальным устремлением»¹⁷.

Пробуждение болгарской нации в Македонии и Фракии благодаря масштабной агитации Экзархата, таким образом, состоялось. Глава II политотделения МИД Болгарии Т. Карайовов в 1906 г. прямо указывал на то, что экзархийские «школы создали болгарский народ» в Македонии¹⁸. Эти слова, однако, не следует воспринимать в буквальном смысле. Конструктивистский подход в изучении национальных движений, акцентирующий внимание на роли социальной инженерии и искусственного конструирования в процессе формирова-

ния или «изобретения» нации на осколках «предшествующих культур»,¹⁹ кажется нам в данном случае несостоятельным. Греческие «конструкторы», например, располагали несравнимо большими ресурсами влияния (политическими, финансовыми, культурными) и, тем не менее, не только не смогли сохранить свои позиции в регионе, но и стремительно теряли их. Британский консул Д. Блант писал в апреле 1892 г., что «греки с такой скоростью теряют почву в Македонии, что едва ли можно ожидать в случае эвентуального усложнения на Востоке какое-либо заметное греческое расширение, выходящее за пределы Фессалии»²⁰.

И если даже и принять положение о национальном самосознании как сугубо субъективной категории, все же, как нам представляется, невозможно игнорировать объективные предпосылки для образования нации, которые выражались в наличии болгарской этнической («естественной») общности как объективной данности. Болгарская элита, безусловно, сыграла решающую роль в преобразовании болгарского этноса в нацию в ходе национального движения, но отнюдь не «изобрела» ее из ничего. Фундаментом для развития *национального самосознания* послужила присущая любому этносу *этническая самоидентификация*. Наглядный пример устойчивости последней находим в путевых заметках П.Н. Милюкова 1898-1899 гг. Встретившиеся с ним македонские крестьяне пожаловались на действия сербских пропагандистов: «Мы *от отцов и дедов знаем* (курсив мой – Д.Л.), что мы – болгары, а сейчас приходят пропагандисты и пытаются уверить нас в том, что мы – сербы. Мы не хотим быть сербами»²¹. Другой пример проявления этнической самоидентификации находим в донесении русского консула В. Каля, сообщавшего в конце 1907 г. о характерных изменениях в национальном настрое болгар грекоманов: «Пока мирная церковная пропаганда старалась внушить славянам-патриархистам, что они греки, те, пожалуй, и верили этому, но когда они *впервые* (курсив мой – Д.Л.) увидели греческих и критских четников, говорящих на непонятном им языке и ничего общего с ними не имеющих, население не могло не видеть своего заблуждения. Селяне поняли, что приходящие к ним из Греции «соплеменники» гораздо для них хуже, чем соседи, с которыми они раньше враждовали»²².

Венцом усилий Экзархата стало создание в 1880-1881 гг. болгарской мужской гимназии в Салониках, ставшей, по признанию современников, «идейным и духовным центром болгарщины в Македонии». Она сыграла особую роль в последующем развитии революционного движения. Почти все видные деятели ВМОРО или учились, или преподавали в ней. Гимназия стала настоящей кузницей кадров для будущей революционной организации, и не только она. Как

отмечал Хр. Силянов, «семя революционной проповеди не смогло бы произрасти, если бы македонская почва не была бы обработана с помощью церкви и школы в 80-х и начале 90-х гг. [XIX в.] ... Школа стала неисчерпаемым резервуаром, который постоянно снабжал [революционную организацию] руководящими кадрами». По мысли Силянова, «революция явилась как новый этап, как одно добавочное средство в процессе национальной эмансипации (читай: в развитии национального движения – Д.Л.)»²³. О том же писал и С. Радев: «Революционная агитация расширялась быстро. Почва была подготовлена школами»²⁴.

Отдав должное значимости «предварительной работы» национальной элиты, все же заметим, что было бы неправильным предположить активизации болгарского национального движения в Македонии и Фракии во второй половине 1890-х гг. видеть исключительно в интенсивности национальной агитации Экзархата, опиравшегося на болгарское этническое большинство в данных областях. Указанная агитация едва ли нашла бы должный отклик у этнических болгар в Македонии и Фракии без тех благоприятных условий, которые были созданы масштабной трансформацией общества в Европейской Турции в конце XIX – начале XX вв.

И здесь, на наш взгляд, следует, прежде всего, коренным образом пересмотреть сложившийся в трудах историков марксистско-ленинской школы подход, согласно которому в качестве основной причины национально-освободительного движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX вв. выделялось постоянно ухудшающееся экономическое положение болгарского, прежде всего сельского, населения, что было связано, во-первых, с углублением еще со времен Крымской войны общего финансово-экономического кризиса Турецкой империи, вынужденной повышать налоговое бремя для своих подданных (прежде всего христиан), а, во-вторых, с ростом в связи с развитием рынка и товарного производства эксплуатации полужависимых болгарских чифлигарских крестьян мусульманскими беями чифлик-сайбиями. Единственным выходом, как утверждалось, из этого усиливающегося экономического гнета была антифеодальная и в то же время национально-освободительная борьба против турецкого феодально-бюрократического государства²⁵.

Данные македонской действительности конца XIX – начала XX вв., однако, показывают, что основную социальную предпосылку роста болгарского национального движения в Македонии и Фракии в указанный период следует искать не в ухудшении экономического положения болгарского населения (сам

факт которого разумно поставить под вопрос), а как раз в развитии в результате капиталистической модернизации социальных связей, к которым намного лучше приспосабливались именно христианские подданные Порты.

Иными словами, более глубоким фактором, способствовавшим формированию массовой базы для болгарского национального движения, без которого национальная агитация Экзархата, а затем и революционеров, была бы малопродуктивна, являлся, на наш взгляд, рост в указанных областях *уровня социальной мобильности и коммуникации*²⁶.

В национальном движении в Македонии и Фракии на разных его этапах участвовали, прежде всего, независимые в экономическом отношении и мобильные категории болгарского населения. Если идеологом и организатором этого движения выступала интеллектуальная и финансовая элита, первая из которых была представлена учителями, врачами и священниками, а вторая – представителями зарождавшейся буржуазии чорбаджиями или первенцами, то главным адептом их национальной агитации первоначально являлся болгарский эснаф – городская торгово-ремесленная прослойка, в экономическом отношении к началу XX в. уже намного превосходившая мусульманское население городов вследствие большей мобильности и лучшей приспособляемости к новым товарно-рыночным отношениям. В данный период постоянно ухудшалось экономическое положение именно турок, привыкших за многие десятилетия своего господства, как отмечали многие наблюдатели, к бездействию²⁷. С. Радев, например, о родном западно-македонском Ресене вспоминал следующее: «Турки в Ресене вообще постоянно слабели экономически ... Зажиточным классом в городе были христиане. Турки чувствовали себя в зависимости от них»²⁸. То же самое встречаем и в описании П. Яворовым восточно-македонского города Кукуш: «Болгары весьма состоятельны, и турки, в большинстве своем бедные, отправляются на работы к ним»²⁹.

В данном случае именно высокий уровень социальной мобильности эснафа, так же как и большая доступность эснафа к каналам социальной коммуникации, под которой следует понимать способы восприятия и передачи *информации о действительности* и о подходах к ней, послужили благоприятным условием для принятия им патриотических программ на фазе «В» национального движения. Ему принадлежит особая роль как в борьбе за церковно-школьную автономию болгар, так, в дальнейшем, и в развитии революционного движения за политическую автономию. ВМОРО, например, до налаживания крупных каналов материальной подпитки из Княжества, была преимущественно городской конспирированной организацией, главной базой которой служил

эснаф. Малоимущие же горожане, связанные, как правило, с сельскими работами, были менее восприимчивы к национальной агитации.

На более позднем этапе, когда национальное движение становилось уже массовым и приобретало формы вооруженной борьбы в него включалось и сельское население, ставшее в итоге его главной движущей силой, однако оно было представлено не столько чифлигарскими крестьянами, которые, казалось, были наиболее задавлены эксплуатацией и гнетом мусульманских беев, сколько свободными и, следовательно, более мобильными раятскими крестьянами-собственниками. Как отмечается в болгарской и македонской историографии, раятские крестьяне были «наиболее сознательными борцами» против турецкого ига³⁰. Чифлигарские же крестьяне, находившиеся под относительной защитой беев от насилия со стороны мусульманских соседей и разбойничьих банд, и, что самое главное, де-факто (хотя уже и не де-юре) прикрепленные к своему чифлику, отличались очень низким уровнем социальной мобильности и считались наиболее отсталыми в хозяйственном и культурном развитии. За редким исключением они оставались равнодушными и к национально-культурному возрожденческому движению, и к национально-политическому революционному движению. Их соседи из раятских сел, обрабатывающие малопродуктивную землю, страдавшие от постоянных грабительских набегов мусульманских банд, от поборов полевых сторожей-мусульман и не намного более богатые, чем чифлигары, успевали построить и школу, и церковь. У чифлигаров же, как правило, не было ни того, ни другого. Четнический воевода ВМОРО Н. Русинский вспоминал, что у многих из чифлигар было убито даже и чувство самого элементарного человеческого достоинства,³¹ не говоря уже о национальном самосознании. Хр. Силянов отмечал, что греческая национальная пропаганда среди этнических болгар была намного успешней именно в слабо развитых районах Македонии, где национальное самосознание болгар пробуждалось очень медленно³². То же можно сказать и об успехах сербской пропаганды в Поречье, являвшемся одним из самых отсталых районов Македонии.

О. Бауэр, одним из первых уловивший связь между процессом строительства нации и общей капиталистической трансформацией общества, следующим образом объяснял влияние прогресса социальных связей на рост национального чувства и самосознания: «Капитализм разорвал связь сельского населения с землей, к которой оно приковано было веками, он вырвал его из узких и тесных границ деревенского мира». Вовлеченные в города рыночными связями или потребностью в образовании, которое все более становилось залогом социального успеха,³³ крестьяне «встречались с населением самых далеких частей страны,

создавали общую с ним сферу влияния», вместо «повторяющегося однообразия крестьянской жизни» находили «бьющую ключом жизнь большого города, жизнь, уничтожающую все их традиционные взгляды и представления – новый, вечно меняющийся мир». Капитализм «перетасовывает население в процессе образования современных классов и профессий вдоль и поперек, и территориально, и профессионально», способствуя формированию у него национального самосознания, в основе которого лежит осознание общности коллективно переживаемой судьбы всех членов нации³⁴. Иными словами, в результате капиталистической модернизации, влекущей за собой рост уровня социальной мобильности населения, а, следовательно, и *расширение его представлений об окружающей действительности*, на первое место среди прочих способов самоидентификации человека в системе координат свой-чужой (по диалектно-племенному, территориальному, конфессиональному, сословно-классовому и другим признакам) выходила национальная самоидентификация, что способствовало более успешному восприятию населением патриотической агитации и национальных программ.

Главное преимущество раятских крестьян по сравнению с чифлигарами, состояло в свободе передвижения, горизонтальной социальной мобильности, благодаря которой они быстро втягивались в товарно-денежные отношения. Так, в последней четверти XIX в. массовый характер приобрело гурбетчийство – уход на сезонные заработки, в основном в Константинополь или Болгарию. Ежегодно число отходников достигало 100 000 человек³⁵. В западной части Македонии гурбетчийством занималась большая часть мужского населения раятских сел. Из одной только небольшой Ресенской околии в Константинополе в 1890 г. розничной торговлей зеленью и овощами занимались 7 000 болгарских крестьян³⁶. По свидетельству четнического воеводы ВМОРО Сл. Арсова, от каждого села этой околии на заработок «на чужбину» отправлялось по 100 человек, так что в селе оставались лишь старики, дети и случайно вернувшиеся на отдых отходники – всего не более 20-30, в редких случаях около 100 мужчин. При этом от внимания Сл. Арсова не ускользнул крайне важный для нас факт, а именно то, что «в Ресенской околии, как и в других местах, начальное семя организации сеяли более сознательные жители, *путешествующие по чужим краям* (т.е. гурбетчии-отходники, курсив мой – Д.Л.)»³⁷.

Большим был наплыв отходников и в болгарскую столицу, где многие из них надолго оседали. Примечательно, что болгарские села, жители которых массово уходили на заработки в Болгарию, отличались не только наличием твердого национального самосознания, но и использованием чистой болгарской

речи, тогда как диалектное своеобразие остальных македонских болгар оставалось весьма ощутимым³⁸. Русский путешественник А. Амфитеатров в 1901 г. подметил, что владение болгарским литературным языком было предметом особой гордости гурбетчиев, возвращавшихся с заработков из Болгарии.³⁹ Об огромной роли отходников в национально-освободительной борьбе говорит хотя бы тот факт, что член Битольского революционного комитета ВМОРО Анастас Лозанчев на судьбоносном январском конгрессе организации в 1903 г. одним из аргументов в пользу скорейшего восстания называл массовое возвращение отходников, которые в случае затягивания вопроса о восстании угрожали, потеряв терпение, снова покинуть свои дома,⁴⁰ тогда как поднимать восстание без них было бы бессмысленно.

Таким образом, именно укрепление двух значительных экономически стабильных и мобильных категорий – эснафа и раятских крестьян (составлявших в конце XIX в. уже более половины всего сельского болгарского населения Македонии и Фракии), охваченных национальной агитацией через школу и церковь, явилось решающим фактором качественного подъема болгарского национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX вв.

Следует отметить, однако, что национальное движение на всей территории Македонии развивалось неравномерно. Битольский активист ВМОРО священник Тома Николов, побывавший незадолго до восстания 1903 г. в Восточной Македонии, заметил, что революционная подготовка населения там значительно отставала от подготовки в Битольском вилайете: «Болгарское население в этих местах между левым берегом Вардара и [болгарской] границей не было так организовано, как в Битольском вилайете, где ... население без различия пола и возраста всецело было преданно службе организации. Здесь я заметил, что в селах имелись лишь отдельные личности, посвященные в дело, и служащие лишь в качестве курьеров для чет. Верх взяло четничество, а не легальные комитеты (как в Битольском вилайете – Д.Л.). В этом краю вся власть была сосредоточена в руках чет». Николов совершенно верно подметил и причины такого состояния: 1) «население, поскольку *не странствовало, не ходило на гурбет* (курсив мой – Д.Л.), показалось нам заспавшимся, не таким пробужденным, как в Битольском вилайете»; 2) «в просветительском отношении этот край был совершенно заброшен, поскольку был забыт Экзархатом. Считалось, раз он находился близко от границы, был в безопасности (от чужой пропаганды – Д.Л.). Одним словом, не было [здесь] того сознания у народа, какое было в Битольском вилайете»⁴¹. Указанные обстоятельства, зафиксированные Николовым в этом крае, а именно: низкий уровень социальной коммуникации и мобильно-

сти болгарского населения – отчасти позволяют объяснить, каким образом после дезорганизации и ослабления ВМОРО в результате восстания 1903 г. свою власть этому населению в указанной части Македонии сравнительно легко смогли навязать самозванные банды малограмотных болгарских полевых командиров Я. Санданского и П. Чернопеева, вышедших из подчинения организации и, по сути, порвавших с задачами болгарского национального движения.

Следующим важным фактором, способствовавшим активизации и радикализации болгарского национального движения в Македонии и Фракии явилось *социальное напряжение*, имевшее место как в отношениях между примерно равными друг другу по численности болгаро-христианской и мусульманской общинами, так и в отношениях болгарского населения с турецким государством. Первое в понимании активистов болгарского национального движения, как правило, тесно увязывалось со вторым. Так, например, направленная в конце июля 1903 г. представителям великих держав официальная декларация ВМОРО с объяснением причин, приведших к Ильинденскому восстанию, начиналась следующими словами: «Безнаказанные *насилия мусульман* и систематические *преследования со стороны администрации* довели христиан в Македонии и Адрианопольском крае до необходимости прибегнуть к массовой вооруженной обороне. ... Предпринимаемые до сего дня безрезультатные попытки европейского концерта реформировать посредством палиативных мер турецкий режим, привели лишь к *усилению мусульманского фанатизма* и *давления со стороны государства* (курсив в тексте мой – Д.Л.)»⁴².

Турецкое государство и на рубеже XIX-XX вв., вопреки 62 ст. Берлинского трактата 1878 г., не собиралось отказываться от официального коранического постулата: «Все райяты имеют одинаковые права и привилегии и только мусульмане являются их хозяевами»⁴³. И если раньше подчиненное положение в рамках социальной иерархии порой воспринималось в порядке вещей – не секрет, например, что во многих местах болгарские мужчины даже вполне спокойно и смиренно относились к фактам блуда своих жен с турками⁴⁴ – то теперь высокий уровень социальной коммуникации, в том числе грамотности, национального воспитания в народной школе и рыночных отношений, формировал психологию свободной личности, не желающей мириться с традиционным для христиан в Турции статусом политически и административно дискриминируемой райи.

Почти все крупные лидеры ВМОРО главной причиной создания Организации называли турецкий гнет, проявлявшийся в различных формах и тормозивший «нормальное культурное развитие» македонских и фракийских болгар. Как

вспоминал Христо Матов, турецкие землевладельцы беи, их администраторы и полевые сторожа мусульмане «могли входить в христианское село и почти безнаказанно позволять себе вольности по отношению к собственности и чести крестьянина: ругань, побои были обычным явлением; часто случались грабежи и присвоение чужой земли; не были редкостью посягательства на семейную честь». Картину дополнял террор разбойных мусульманских банд, которые практически безнаказанно действовали в каждой македонской казе⁴⁵. В то же время немусульманам запрещалось иметь оружие для собственной самообороны. «Вестник Европы» в 1902 г. замечал по этому поводу: «Турецкие власти разыскивают оружие в болгарских селениях и подвергают жестоким карам всякого, у кого найдется в избе старое ружье или заржавленный пистолет; между тем, тут же рядом турки и албанцы ходят вооруженными с головы до ног»⁴⁶. Христо Силянов в качестве признака господствующего статуса турок называл случавшиеся в массовом порядке изнасилования болгарок мусульманами, тогда как примеры насилия болгар над турчанками отсутствовали⁴⁷.

Активист ВМОРО Г. Баждаров следующим образом объяснял причины быстрого успеха революционной агитации: «Постоянная несправедливость отлично всеми осознавалась. Зло ощущалось, страдания были трудно выносимыми, все это создавало благоприятную почву для агитации апостолов революционеров»⁴⁸. Один из лидеров ВМОРО Гёрче Петров вспоминал, что в некоторых районах население уже было готово к появлению революционной организации. По мере расширения революционной агитации в 1894 г. он к своему удивлению натолкнулся на «самобытную компанию-организацию» 48 крестьян из различных сел, которые «ночью выходили с оружием» и карали различных разбойников и «народных пакостников». «Подобные компании, – продолжал он, – мы открыли также и в других селах по [битольскому] полю. Первая компания действовала около Битоля по направлению к Крушеву, другая – между Битоля и Мориовско. Ничего разбойного в их деятельности не было, а только истребление плохих турок»⁴⁹.

К тяготам турецкого гнета добавлялась возрастающая угроза со стороны сербской национальной агитации в Македонии, успехи которой, как известно, послужили непосредственным поводом создания ВМОРО.

Очевидные успехи болгарского национального движения в Македонии и Фракии, нашедшие выражение в Ильинденской эпопее, являются ответом на вопрос о причинах поражения в начале XX в. молодого славяно-македонского национального движения, выступившего за возрождение македонских славян в

качестве отдельной нации. Появившееся более чем на сто лет позже болгарского, оно не выдержало столкновения с ним.

Славяно-македонцы выступили с задачами, характерными для начальной фазы национального движения. Так, лидер движения К. Мисирков в 1903 г. официально высказался против политической автономии Македонии,⁵⁰ а глава Славяно-македонского общества в Петербурге Д. Чуповский приступил к тайным переговорам с турецкими властями в надежде получить позволение на легальную национальную агитацию⁵¹. Согласно славяно-македонцам, в первую очередь следовало сосредоточиться на национально-просветительской деятельности, дабы сперва «воспитать» македонский народ в мирном сотрудничестве с турецкими властями, а затем уже требовать для него политическую свободу. Сама македонская нация, согласно их представлениям, существовала пока лишь в потенциале – во всех программных документах данного движения о македонских славянах говорилось лишь как об «отдельной этнографической единице», но не как об отдельной нации, которую еще только предстояло создать посредством выработки и утверждения своего литературного языка и распространения македонского самосознания, что и провозглашалось главными задачами славяно-македонского национального движения⁵².

Подобные задачи не могли увлечь болгаро-македонское население, активно включившееся к тому времени уже в антитурецкую борьбу за политическое самоуправление. Кроме того, шансов на успех славяно-македонскому движению не оставлял и вступивший в завершающую стадию процесс национальной консолидации болгарской этноязыковой общности, который, помимо развития болгарского национального самосознания, имел в Македонии и другое видимое измерение, а именно: стирание местных македонских диалектно-языковых особенностей, на которые так уповали славяно-македонцы. Активист ВМОРО Евтим Спространов, например, следующим образом в ноябре 1903 г. парировал претензии славяно-македонцев: «Ведь там [в Македонии] есть целое поколение, которое развивалось, росло и училось на болгарском; согласится ли оно сейчас потрудиться для того, чтобы освоить новый язык? ... Верю [что есть сочувствующие], особенно после того как Болгария поступила предательски, но этого недостаточно, чтобы заставить людей отречься от своей национальности и создать им новый литературный язык, после того как у них уже был один»⁵³.

Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии являвшееся неотъемлемой частью общего процесса национальной консолидации болгарской этноязыковой общности, прошло, таким образом, длительный и сложный путь своего развития от научно-просветительской деятельности немногочис-

ленных «исследователей-эрудитов», проявивших интерес к родной истории, языку и культуре, до массовых форм вооруженной борьбы за политическое самоуправление – сначала в виде автономии, а затем и полной независимости от Турции. Появившиеся в 1893-1895 гг. ВМОРО и ВМОК явились качественно новыми факторами болгарского национального движения в Македонии и Фракии. Превращение их на рубеже XIX-XX вв. в массовые организации (ВМОРО в болгарских дипломатических кругах даже именовалась «народной партией» в противовес Экзархату⁵⁴), которые смогли спланировать и организовать в 1902-1903 гг. два масштабных народных восстания, свидетельствовало о зрелости болгарского национального движения, давно перешедшего от стадии защиты национальной культуры и языка к стадии борьбы за гражданские права и политическое самоуправление для болгар, оставшихся за пределами Болгарского государства.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Болгарское национальное движение в последней трети XIX – начале XX в.: идеология, программа, практика политической борьбы», проект № 07-01-00054а.

¹ Шофман А.С. Очерки по истории Македонии и македонского народа. Т. II. Казань, 1960; История Югославии в 2-х томах. Т.1. М., 1963. С. 625-638; Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. Киев, 1967; Он же. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905-1907 гг. Киев, 1974.

² Ямбаев М.Л. Македония и Россия (1897-1902): Автореф. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2004. С. 13.

³ Шкундин Г.Д. К истории "македонского вопроса" // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 23.

⁴ Волков В.К. Македонский вопрос в политике и науке // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 4.

⁵ Манчев К. Националният въпрос на Балканите. София, 1999. С. 142-143.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 124-125, 129.

⁸ История славноболгарская, собрана и нареждана Паисием иеромонахом в лето 1762 / Ред. Йор. Иванов, София, 1914. С. 6.

⁹ Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. I. София, 1983. С. 17.

¹⁰ Петров П., Темелски Х. Църква и църковен живот в Македония. София, 2003. С. 111.

¹¹ Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. Т. 1 (1878-1893). София, 1993. С. 292.

¹² Документи од Виенската архива за Македонија од 1979-1903 / Ред. Т. Томоски. Скопје, 1955. С. 35-36.

¹³ И. К[ашинцев]. Македония и Македонский вопрос // Русское богатство, 1903, № 10. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Силянов Х. Указ. соч. С. 18.

¹⁶ Струкова К.Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50-70-е гг. XIX в. М., 2004. С. 88.

¹⁷ Кънчов В. Македония. Етнография и статистика. София, 1996. С. 17.

¹⁸ Михов М. Един рапорт на Второ политическо отделение при Министерството на външните работи и на изповеданията по македонския въпрос (1906 г.) // Македонски преглед, 1998, № 2. С. 127.

¹⁹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998. С. 19; Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 146-200; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. Сторонники данного подхода, как известно, утверждают, что нации не существуют «в реальности», а являются собой «искусственные» или «воображаемые» сообщества, «плод трудов самозванных националистов».

²⁰ Британски дипломатически документи... С. 334.

²¹ Германов С. Македония и Одринска Тракия в пътните бележки на руски учени и кореспонденти (края на XIX – началото на XX в.) // Исторически преглед, 1988, № 4. С. 71.

²² Исаева О.Н. Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века (по свидетельствам российских консулов) // Славяноведение, 2002. № 3. С. 53.

²³ Силянов Х. Указ. соч. С. 119-120.

- ²⁴ См.: Радев С. Ранни спомени. София, 1994 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://knigi.topcities.com/sr1/sr1_index.html
- ²⁵ Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878-1903). София, 2000. С. 19-23.
- ²⁶ Связь между развитием социальной мобильности и коммуникации и ростом национального движения отмечали такие исследователи, как О. Бауэр, К. Дойч, Б. Андерсон и М. Хрох.
- ²⁷ Кънчов В. Указ. соч. С. 67.
- ²⁸ Радев С. Указ. соч.
- ²⁹ Яворов П.К. Гоце Делчев. София, 1904. С. 19.
- ³⁰ См., напр.: Христов Х. Аграрните отношения в Македония през XIX и началото на XX век. София, 1964.
- ³¹ Пандевски М., Стоев-Трнката Г. Струмица и Струмичко нив историјата. Струмица, 1969. С. 143.
- ³² Силянов Х. Указ. соч. С. 68.
- ³³ Мы согласны с тем, что развитие унифицированной системы народного образования является важным следствием капиталистической модернизации общества, но не согласны с марксистским постулатом о том, что это развитие вызывается исключительно нуждами капитализма.
- ³⁴ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М., 2002. С. 60-65, 76.
- ³⁵ История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 626.
- ³⁶ Радев С. Указ. соч.
- ³⁷ Материали за историјата на македонското освободително движење, кн. I. Встанническото движење во Југозападна Македонија (до 1904 год.) по спомени на Славейко Арсов. София, 1925. С. 41, 47.
- ³⁸ Македонскиот бугарин Т. Николов, во 1903 г. наоѓившиот се во составот четв ВМОРО под командованием офицера Т. Давидова, кој беше родом из источно-бугарски земи, вспоминал о селу Вранештица на западот на Македонија: «Посколку многу из крестјани, кои бивале во Софии, говореле на литературно бугарско, Давидов почувствувал себе како во Софии». Николов Т. Спомени од моето минало. София, 1989 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kroraina.com/knigi/tn/index.html>.
- ³⁹ Амфитеатров А. Страна Раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 17.
- ⁴⁰ Лозанчев А. Защо бях за встание // Борбите во Македонија и Одринско, 1878-1912. Спомени. София, 1981. С. 413; Коцев Х. Пред прага на 1903 г. // Борбите... С. 405.
- ⁴¹ Николов Т. Указ. соч.
- ⁴² Д-р Христо Татарчев. Спомени. Документи. Материали. София, 1989. С. 247-248.
- ⁴³ Фадеева И.Л. Тенденции национального развития османских народов в XIX – начале XX в. (к истории формирования современной этнополитической ситуации на Ближнем Востоке) // Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993. С. 30.
- ⁴⁴ См., напр.: Материали..., кн. II. Освободителната борба во Костурско (до 1904 год.). По спомени на Пандо Кляшев. София, 1925. С. 24.
- ⁴⁵ Матов Х. Основи на Втрешната револуционна организација. С приложеније «Што бѣхеме – што сме?». София, 1925. С. 81-82.
- ⁴⁶ Хроника – Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 9. С. 362.
- ⁴⁷ Силянов Х. Указ. соч. Т. I. С. 32.
- ⁴⁸ Баждаров Г. Моите спомени. София, 1929 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kroraina.com/knigi/gb/index.html>.
- ⁴⁹ Материали..., кн. VIII. Спомени на Ѓрче Петров. София, 1927. С. 17-18.
- ⁵⁰ Мисирков К. За Македонските работи. София, 1903. С. 9-44.
- ⁵¹ Централен државен историски архив (ЦДИА), ф. 933, оп. 1, а.е. 95, л. 439, 441-442, 444-445.
- ⁵² Лабаури Д. О. Проблема македонской национальной идентичности в идеологии Крсте Мисиркова (1902-1905) // Славянский альманах 2004, М., 2005.
- ⁵³ Евтим Спространов. Дневник. Т. I (1901-1907). София, 1994. С. 334.
- ⁵⁴ Пандев К. Указ. соч. С. 80.